

Глава 24. Подводные течения

Е Му по-разному представлял себе место, куда его ведут, и не забывал об осторожности. Это могло быть тайное убежище, роскошная усадьба влиятельного господина или просто глухой, безлюдный пустырь. Однако то, где они в итоге оказались, не шло ни в какое сравнение с его ожиданиями.

Ночь давно вступила в свои права, но здесь жизнь была ключом жарче, чем ясным днём. Отовсюду лилась пьянящая музыка, уши ласкал кокетливый девичий смех, в воздухе стоял густой, приторный аромат благовоний и пудры, а перед глазами пестрели яркие шелка. Полуобнажённые девицы скользили меж гостей юркими рыбками — нежно прижимались, лукаво улыбались и шептали глупости на ухо. Настоящий пир порока и мимолётных утех.

Обыкновенный бордель.

Е Му молча отвёл в сторону нежные девичьи руки, пытавшиеся обвить его шею, и уклонился от очередной заигрывающей прелестницы. С трудом вырвавшись из удушливого плена дешёвых духов и пудры, он последовал за провожатым на второй этаж. Тот довёл его до отдельного кабинета, откуда доносились звуки лютни и пение.

Воин ритмично постучал в резную дверь и, почтительно склонившись, негромко произнёс:

— Господин, господин Е прибыл.

Дверь отворилась, и наружу вырвался густой шлейф из ароматов дорогих благовоний и хмеля. Нежное женское пение под звонкие переливы пипы зазвучало отчётливее. Стоявший у порога стражник смерил Е Му быстрым взглядом, после чего приветственно сложил ладони и отступил, освобождая дорогу:

— Прошу вас, господин Е.

Е Му вошёл внутри и сразу приметил мужчину в роскошных одеждах. Тот полулежал, обнимая хорошенькую наложницу, и лениво покачивал кувшином с вином.

Пять прелестных прислужниц увивались вокруг него, предугадывая каждое желание. Заметив гостя, мужчина зычно рассмеялся и мягко отстранил сидевшую на его коленях красавицу, которая как раз собиралась губами скормить ему очищенную виноградину.

— Наконец-то! — весело воскликнул он, приветливо махнув рукой. — Проходи, присаживайся.

Он держался так непринуждённо, словно встречал старого друга, с которым не виделся много лет.

На вид незнакомцу было около тридцати. Правильные, благородные черты лица и стать выдавали в нём человека знатного происхождения. Годы лишь придали ему зрелого очарования, уподобив благородному выдержанному вину. Даже его праздная распушенность казалась не пошлой, а скорее изысканной, полной небрежного изящества.

Е Му устроился за низким столиком по левую руку от хозяина кабинета. Расторопная служанка тут же подскочила к нему, наполнила кубок хмельным напитком и расставила тарелки с фруктами и сладостями. Певица в углу закончила одну песню и, коснувшись струн, затянула новую, протяжную и томную мелодию.

Мужчина поднял свой кубок, салютуя гостю:

— Мне известно твоё имя, откуда ты держишь путь и зачем прибыл в столицу. Ты же обо мне не знаешь ничего — ни кто я такой, ни зачем позвал тебя в этот вертеп. Позволь мне искупить эту неловкость первым кубком.

Осушив его одним глотком, он перевернул чашу, показывая дно. Сидевшая у его ног девица тут же перехватила кувшин и до краёв наполнила кубок заново.

Собеседник ласково погладил край чаши и представился:

— Я — Цзянь Линь. По милости предков унаследовал титул князя Аньшуня. А пригласил я тебя сюда лишь потому, что прослышал, будто ты прибыл с юга, и мне крайне любопытно узнать, что там сейчас творится. Прости, если приём показался тебе излишне спешным и сумбурным.

«Цзянь... Редкая фамилия. И очень весомая в этих краях»

Встретившись взглядом с князем Аньшунем, Е Му мягко, но решительно отстранил ластившуюся к нему девицу и спросил:

— Что именно интересует Ваше Высочество?

Собеседник знал его имя, знал, что он прибыл с юга и зачем явился в столицу. Возможно, князь выложил эти карты сразу, чтобы ошеломить его и показать свою осведомлённость, однако кое-чего высокородный господин явно не учёл — Е Му был непростым человеком. В этом мире тех, кому вообще было известно его имя, можно было пересчитать по пальцам одной руки. А тех, кто знал, что он направится в столицу на поиски Е Мина и Е Нуань, и вовсе было трое.

Если вспомнить, как странно вела себя Ло Ин перед его уходом, то источник осведомлённости Цзянь Линя становился очевиден.

В его отсутствие Ло Ин искренне заботилась о Е Мине и Е Нуань. Когда они наконец

воссоединились, дети хоть и были взволнованы, но выглядели сытыми, здоровыми и опрятно одетыми. За одно это Е Му был ей бесконечно благодарен. Поэтому сейчас он не собирался попрекать её за длинный язык, да и на вопросы князя Аньшуня готов был ответить честно — разумеется, до тех пор, пока расспросы не касались личных тайн.

Впрочем, вся эта встреча подозрительно походила на обыкновенную проверку.

Опустив взгляд на кубок, Е Му подумал совсем о другом.

«Похоже, Хэ Лян и его названная сестра вовсе не так дружны и искренни друг с другом, как хотят показать»

Пока Е Му отбивался от навязчивого внимания девиц лёгкого поведения и вёл тонкую словесную игру, полностью игнорируя ломящийся от яств стол, кое-кто на другом конце земли отчаянно боролся за жизнь ради жалкого куска пищи.

В недрах горы, где сработал разрушительный механизм Земляной бездны, уцелело лишь несколько узких расщелин. Кое-где проходы были настолько тесными, что человек едва мог протиснуться туда боком. Вокруг царила крошечная, удушливая тьма.

А-Лю с трудом выбрался из очередной узкой щели. Согнувшись в три погибели, он протянул две крошечные рыбёшки величиной с палец прямо к губам полузасыпанной головы, торчавшей из завала. Сглотнув голодную слюну, мальчик заставил себя отвести взгляд от добычи и прошептал:

— На, ешь.

Глаза, доставшиеся ему от поверженного Демона призрачных снов, позволяли худо-бедно различать живое и неживое во тьме. Но из-за собственной неуклюжести он провёл у тонкого подземного ручейка несколько часов, прежде чем сумел поймать эти жалкие крупички еды.

Когда обрушился свод, он томился в запертой каменной келье под надзором демона-охранника. В начавшемся хаосе он даже не успел понять, что произошло: сверху прилетел тяжёлый обломок и вышиб из него сознание. Очнувшись, он обнаружил, что наполовину погребён под землёй. Вокруг не было ни света, ни звуков, а спёртый воздух едва удавалось вдохнуть. Кое-как выбравшись из земляного плена, он долго плутал во тьме, словно слепой кузнечик. В этой зловещей, бесконечной тишине собственное хриплое дыхание и бешеный стук сердца казались оглушительными, заполняя собой всё пространство разума.

Он не знал, сколько блуждал в тупиках, готовый вот-вот сойти с ума от ужаса и одиночества, пока новые глаза не уловили слабое свечение.

Это было едва заметное, призрачное сияние чужих эмоций, присущее только живым существам. Для измученного мальчишки этот тусклый огонёк стал ярче полуденного солнца. Словно безумный, он бросился копать землю голыми руками, пока не наткнулся на чьё-то лицо. Ухватившись за эту голову, он разрыдался в голос от облегчения.

Несмотря на урчащий от голода желудок, А-Лю понимал: погребённому под завалом еда нужнее. Тело незнакомца намертво зажало каменными глыбами и осыпью. Сколько мальчик ни скреб ногтями землю, ему удалось освободить лишь лицо и шею. Раскопать остальное в одиночку за короткое время было просто невозможно.

Он отчаянно хотел, чтобы этот человек выжил. Ему жизненно необходимо было, чтобы рядом теплилась хоть одна живая душа.

Голова в завале слегка шевельнулась. Человек приоткрыл рот, судорожно перехватил губами рыбёшек и с трудом сглотнул.

А затем из его горла вырвался первый хриплый, едва различимый звук человеческой речи:

— Воды...

На рассвете Е Му покинул утихающий бордель, унося на своей одежде густой, приторный запах дешёвых духов.

Вскоре после него заведение покинул и князь Аньшунь. Приобнимая за талию одну из наложниц, он уселся в поданный к крыльцу роскошный экипаж, который тут же покатил прочь, мерно постукивая колёсами по мостовой.

Меньше чем через полчаса они прибыли в поместье князя Аньшуня. Цзянь Линь подозвал слугу, велел устроить спутницу в гостевых покоях, а сам быстрым шагом направился напрямик в рабочий кабинет.

У окна, погружённый в чтение старинного свитка, его ждал молодой человек. Заслышав шаги, он поднял взгляд, отложил книгу в сторону и, наполнив чашу свежим чаем, протянул её вошедшему:

— Ну как, учитель? Что скажете?

Цзянь Линь принял чашу, сделал глоток остывшего за ночь напитка и едва заметно поморщился, после чего молча отставил чай в сторону и серьёзно произнёс:

— Ваше Высочество, этот человек нам подходит. Его можно использовать.

Тем временем Е Му вернулся к своему временному пристанищу. Стоило ему перемахнуть через невысокий забор, как лицо его мгновенно побледнело от увиденного. Напружинив ноги, он стрелой пересёк двор и приземлился прямо у ног Е Нуань.

— Что с Нуань-нуань?! — встревоженно выдохнул он.

Девочка лежала посреди двора, безмятежно посапывая во сне, однако всё её тело покрывал плотный, толщиной в ладонь, слой полупрозрачного чёрного хрусталя. Казалось, её целиком заковали в драгоценный тёмный саркофаг. Рядом, вцепившись в горсть аптекарских пузырьков, стоял взъерошенный Е Мин, который со звериной яростью преграждал путь Ло Ин. На груди спящей девочки свернулась кольцами изумрудная змейка: она грозно шипела, поводя из стороны в сторону треугольной головой, а в её крошечных глазках застыл холодный, убийственный блеск.

Заметив Е Му, Ло Ин, стоявшая в нескольких шагах от детей, облегчённо выдохнула:

— Наконец-то ты вернулся!

Она прекрасно понимала, как двусмысленно выглядит вся сцена, поэтому заговорила быстро, взяв её на оправдываясь:

— После твоего ухода они наотрез отказались лечь без тебя. Я уговаривала их пойти в дом, но они упрямилась. А потом я услышала какой-то странный шум во дворе, выбежала и увидела Е Нуань уже в таком состоянии! Е Мин и близко меня не подпускает, щетинится, на вопросы не отвечает... Это продолжается уже почти час. Посмотри скорее, что с ней!

Е Му почувствовал, как кто-то крепко ухватился за его подол. Прежде чем он успел раскрыть рот, Е Мин прижался к его боку и торопливо зашептал:

— Папа! С Нуань-нуань всё хорошо, только не подпускай к ней никого!

Не стараясь выяснить всё сию минуту, Е Му мягко кивнул сыну:

— Хорошо.

Затем он выпрямился и посмотрел на Ло Ин:

— Прости, госпожа Ло, мне нужно с глазу на глаз поговорить с сыном. Не могла бы ты оставить нас ненадолго?

Девушка понимающе кивнула и, бросив полный тревоги взгляд на спящую девочку, ответила:

— Хорошо, я пройдуся по улицам. Вернусь примерно через час.

Дождавшись, пока зелёная точка на его системной карте удалится на приличное расстояние, подтверждая, что Ло Ин действительно ушла, Е Му присел перед сыном на корточки:

— А теперь рассказывай, Мин-эр. Что происходит с твоей сестрой?

Мальчик поднял на него серьёзные глаза и веско произнёс:

— Папа, Нуань-нуань взрослеет. Ей пора войти в пору зрелости.

«Зрелость?» — Е Му сразу вспомнил разительные перемены, произошедшие с Е Цаном. Справившись с волнением, он бережно взял сына за плечи:

— Мин-эр, ты знаешь, сколько времени займёт это превращение? И не повредит ли оно её здоровью?

Е Мин забавно сморщил лоб, пытаясь припомнить подробности:

— Точного срока я не знаю... Но помню, что взросление — это очень хорошо для нашего рода.

Он потёр кулачками глаза и сладко зевнул:

— Главное — бдительно её охранять и никому не позволять прикасаться к кокону. Иначе характер Нуань-нуань после пробуждения переймёт черты того, кто её коснулся! Я бы очень не хотел, чтобы она выросла похожей на кого-то чужого. Но если она станет такой же, как папа, это будет просто замечательно!

Е Му перевёл ошеломлённый взгляд на изумрудную змейку, которая по-прежнему преспокойно возлежала на чёрном хрустале.

— А если... если её касается змея? Это не опасно?

— Что?! — Глаза Е Мина округлились от ужаса. Он поспешно сунул руку в широкий рукав, нащупал там лишь пустоту и застыл. Схватив зазевавшуюся рептилию за хвост, он торопливо затолкал её обратно под ткань.

— Ну... наверное, ничего страшного, — забормотал он, виновато отводя глаза в сторону.

Звучало это, мягко говоря, неубедительно.

Е Му попытался представить последствия и принялся спешно настраивать себя на философский лад.

«В конце концов, дочь со змеиной грацией и повадками холодной искусительницы — это ведь тоже неплохо... Наверное»

Взглянув на собственные ладони, он решил поостеречься и не прикасаться к хрустальному кокону без крайней нужды. Кто знает, к какому хаосу и расщеплению личности девочки может привести смесь его характера с её собственным?

— А если прикасаться через плотные перчатки? Это тоже повлияет? — поинтересовался он.

— Вот этого я не знаю, — покачал головой Е Мин. — Но папе лучше перенести Нуань-нуань на влажную землю. Так её взросление завершится гораздо быстрее.

— А солнечный свет ей нужен? Пригревать её днём стоит?

— Солнышко? — Е Мин довольно заулыбался. — Папа, ты такой заботливый! Ей это точно понравится.

—...

Е Му промолчал. Он уже всерьёз начал подозревать, что его приёмные дети на самом деле были какими-нибудь цветочными духами или древесными нимфами.

Впрочем, какая разница?

Он ласково взъерошил мягкие волосы мальчика:

— Хорошо, я всё понял. За сестрой присмотрю, а ты ступай в постель. Тебе нужно выспаться.

— Ладно, — согласился Е Мин. Его симпатичное личико сделалось не по-детски строгим. — Тебе тоже несладко приходится, папа. Как проснусь, сразу приду тебя сменить.

— Спи спокойно, — улыбнулся Е Му. Глядя на эту забавную серьёзность, он не удержался и легонько ткнул пальцем в пухлую детскую щёку, после чего как ни в чём не бывало убрал руку.

— Если я действительно устану, то обязательно позову тебя на помощь.

«Мягкий какой. И щёчки нежные»

Е Мин удивлённо моргнул, коснулся пальцами уколотого места и послушно пробормотал:

— Хорошо, папа.

Однако уходить он не спешил. Немного поколебавшись, мальчик подошёл вплотную, обхватил руку Е Му обеими ручонками и ласково прижался к ней щекой, словно котёнок. Лишь после этого, совершенно довольный и сладко зевая на ходу, он побрёл в комнату.

«Ну и пострел...» — с нежностью подумал Е Му.

Достав из своего походного мешка защитные латные перчатки, он плотно затянул ремни на запястьях, обошёл двор кругом и присмотрел подходящее местечко. Аккуратно подхватив тяжёлый хрустальный кокон с девочкой, он перенёс его на сочную, влажную траву у северной стены дома.

Устроившись на земле поблизости, Е Му погрузился в размышления.

Изначально он планировал поскорее забрать Е Мина и Е Нуань, уехать с ними в Западные земли, чтобы основательно там устроиться, а затем ненадолго вернуться в город Чанъи и провести Е Цана. Однако внезапная метаморфоза дочери спутала все карты. В таком состоянии везти её в дальний путь было чистым безумием. Придётся на время обосноваться в столице.

К счастью, разблокированный доступ к игровому складу разом избавил его от безденежья. Игровая валюта конвертировалась по очень щедрому курсу: золотые слитки и самородки лежали там аккуратной внушительной горкой, так что снять приличный дом в престижном районе столицы для него теперь не составляло никакого труда.

Что же касается князя Аньшуня, то его истинные мотивы пока оставались загадкой, и ломать над ними голову прямо сейчас Е Му не стал.

Пока Е Му улаживал дела с Ло Ин и перевозил детей в уединённую и просторную усадьбу, его будни потекли размеренно и хлопотно. Каждый день он прилежно выбирал для Е Нуань самые тенистые или, напротив, солнечные уголки сада, бережно переносил кокон с места на место. Попутно он заставлял ленивого Е Мина делать утреннюю разминку, изучал скрытые возможности интерфейса игровой системы, оттачивал смертоносные приёмы Зала Семи Убийств и пытался восстановить в памяти крупницы истории этого мира и грядущие глобальные перемены, о которых знал из сюжета игры.

Тем временем при дворе императора влиятельная группировка заговорщиков, затаив дыхание следившая за каждым шагом правителя, наконец получила известие, которого ждала с

замиранием сердца.

Наследный принц Хуа Хэн, стоя перед своим наставником, негромко, чеканя каждое слово, произнёс:

— Учитель, император принял решение. Границей назначена Великая река. Мы временно сдаём южные провинции Срединной равнины и не станем посылать туда подкрепление.

Он сделал паузу, его лицо помрачнело ещё сильнее:

— Судя по последним перемещениям в высшем командовании, отец вознамерился нанести удар по Лагерю Большой Медведицы.

Когда разум императора ещё не затуманили подозрительность и возраст, он часто беседовал с сыном о великих силах Поднебесной. Отец тогда подробно разбирал значение шести великих орденов. В его глазах Зал Сотни Трав, ведающий тайнами ядов и исцеления, нельзя было трогать опрометчиво; Башня Пронзающего Перья ютилась на диких южных окраинах и не представляла угрозы; Павильон Гор и Вод тешился изящными искусствами и поэзией — пустое ремесло; Врата Девяти Небес искали бессмертия и чурались мирской суеты. Но вот Лагерь Большой Медведицы, взрастивший поколения блестящих полководцев и тактиков, таил в себе угрозу престолу, а Зал Семи Убийств с его сетью шпионов, наёмных убийц и тайных осведомителей подрывал саму основу императорской власти.

В те годы они вместе долгими часами размышляли, как без лишней крови и мятежей подчинить или уничтожить эти две вольнолюбивые фракции. Были сделаны первые ходы, составлены подробные планы, рассчитанные на постепенное воплощение в жизнь преемниками трона на протяжении сотен лет. Они оба верили, что терпеливая и тонкая политика рано или поздно приведёт к абсолютному единению власти.

Но престарелый монарх проявил губительную спешку.

Прежде мудрый и дальновидный правитель с каждым прожитым годом становился всё подозрительнее. Одержимый жаждой абсолютного контроля, он, казалось, напрочь забыл собственные наставления, которые когда-то читал юному наследнику.

Хуа Хэн тогда был совсем ребёнком. Полный сил, статный отец усаживал его к себе на колени и с гордостью указывал на расстеленную карту империи:

— Запомни, Хэн-эр: эта земля — моя, но со временем она станет твоей. Эти люди — мои подданные, но однажды они доверят свои жизни тебе. Истинный путь императора — быть защитником для своего народа, неся благо и процветание на тысячи поколений вперёд!

Принц до сих пор помнил тот звучный, раскатистый смех, сияющие глаза отца и его

одухотворённое лицо. Для маленького мальчика император был не просто родителем — он был божеством, идеалом и непререкаемой верой.

Этот внутренний храм рухнул в один миг — в день, когда пришла весть о кровавой расправе над Залом Семи Убийств.

Потрясённый до глубины души, Хуа Хэн без доклада ворвался в тронный зал, требуя объяснений, но разгневанный император швырнул ему прямо в лицо тяжёлую стопку докладов. Мужчина брызгал слюной и кричал, сорвавшись на визг:

— Ничтожество! Всякий, кто ни во что не ставит волю императора, заслуживает лишь смерти! Жалкое отребье, крысы, прячущиеся во тьме! Я поручил это твоему брату лишь потому, что твоя бабья мягкотелость погубила бы всё дело! И ты смеешь упрекать меня?! Пошёл вон! Сиди в своих покоях и размышляй над своим скудоумием! Если не поймёшь, в чём виноват, я найду другого наследника, более достойного! Я не позволю тебе пустить по ветру наследие предков, чтобы мне потом не пришлось краснеть перед ними в чертогах мёртвых!

Рассечённая краем свитка щека горела огнём, но эта физическая боль не шла ни в какое сравнение с той бурей, что бушевала в его груди. Под яркими лучами полуденного солнца, точь-в-точь как в тот далёкий день его детства, принц стоял, прижимая ладонь к лицу, и смотрел на бьющегося в истерике старика. Именно тогда он впервые заметил, как избороздили морщины некогда волевое лицо отца, как ссутулились его плечи и помутнел взгляд, некогда ясный и острый, как сталь.

Император постарел. Его время уходило.

С тех пор Хуа Хэн стал предельно осторожен. Он взвешивал каждый свой шаг, заново учась понимать этого чужого ему человека, и использовал для этого всю мудрость, полученную когда-то от самого отца и великих книжников империи. А воспоминание о том тёплом солнечном дне своего детства он навсегда запер в самых потайных уголках души.

«Отец, ты изменился. Пусть так. Но твой прежний образ жив во мне. Я помню твои устремления, твои идеалы и каждое твоё слово. Они навсегда останутся моим ориентиром.

И именно поэтому я тебя остановлю»

<http://bllate.org/book/18186/1758912>